
Поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор»: отклик Достоевского на протест архимандрита Феодора (А.М. Бухарева)

© 2022 г. К.А. Баршт

*Институт русской литературы РАН,
Санкт-Петербург, 199034, Набережная адмирала Макарова, д. 4.*

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

Поступила 12.04.2022

В статье выдвигается предположение, что глава «Великий инквизитор» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в которой поставлен вопрос о необходимости или нежелательности жесткого администрирования в области церковной и социальной жизни, является отражением взглядов архимандрита Феодора (А.М. Бухарева), подвергнутого травле со стороны консервативных кругов за протесты против ущемления права человека на выбор религиозной модели и социальную свободу. В ряде книг на протяжении 1860-х гг. Бухарев настаивал на необходимости отказа от авторитаризма, подверг сомнению незыблемость церковных догматов в пользу свободного духовного поиска человека, не стесненного ограничениями. Современники, в том числе А.И. Герцен, комментируя этот вопрос, говорили о преследователях Бухарева со стороны Синода и журнала «Домашняя беседа» как об «инквизиторах», расправлявшихся с философом подобно тому, как это делала испанская религиозная полиция. Основная мысль Бухарева заключалась в необходимости для страны и всего мира перейти от общепринятой архаической модели политико-торговых отношений между людьми на базе идеи «око за око» к доброжелательным позитивным связям на основе принципа братской любви, заповеданной Иисусом Христом. Эту идею Достоевский положил в основание идеологии «почвенничества», что было подтверждено в «Объявлении» об издании журнала «Время», органа созданного им социально-культурного проекта. Мотивы и основной строй логики опального архимандрита, идею о спасительной силе христианской любви Достоевский использовал во всех произведениях, написанных после смерти Бухарева, и с наибольшей силой – в романе «Братья Карамазовы», для современных читателей на уровне скрытой аллюзии, для современников – в виде аллюзии открытой.

Ключевые слова: поэма «Великий инквизитор» («Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского), архимандрит Феодор (А.М. Бухарев), творческая история, аллюзия и реминисценция.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-161-172

Цитирование: *Баршт К.А.* Поэма Ивана Карамазова «Великий инквизитор»: отклик Достоевского на протест архимандрита Феодора (А.М. Бухарева) // Вопросы философии. 2022. № 9. С. 161–172.

Ivan Karamazov's Poem "The Grand Inquisitor": Dostoevsky's Response to the Protest of Archimandrite Theodore (A.M. Bukharev)

© 2022 Konstantin A. Barsht

*Institute of Russian Literature (The Pushkin House), Russian Academy of Sciences,
4, Makarova emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation.*

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

Received 12.04.2022

The article suggests that the chapter "The Grand Inquisitor" in F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov", which raises the question of the necessity/undesirability of strict administration in the field of church and social life, is a reflection of the views of Archimandrite Theodore (A.M. Bukharev), for his protests against the infringement of the human right to choose a religious model and social freedom subjected to bullying by conservative circles. In a number of his books throughout the 1860s Bukharev insisted on the need to abandon authoritarianism, he questioned the inviolability of church dogmas in favor of a free spiritual search of a person not constrained by restrictions. Contemporaries, including A.I. Herzen, commenting on this issue, spoke of Bukharev's persecutors from the Synod and the "Domashnaya beseda" magazine (The Home Conversation) as "inquisitors" who dealt with the philosopher in the same way as the Spanish religious police did. Bukharev's main idea was the need for the country and the whole world to move from the generally accepted Old Testament model of political and trade relations between people based on the idea of "an eye for an eye" to benevolent positive ties based on the principle of brotherly love, commanded by Jesus Christ. Dostoevsky laid this idea at the foundation of the ideology of "pochvennichestvo", as was reported in the "Announcement" about the publication of the magazine "Time", the organ of the socio-cultural project created by him. The motives and the basic structure of Bukharev's logic, the idea of the saving power of Christian love, were used by Dostoevsky in all his works written after Bukharev's death. It was used with the greatest force in the novel "The Brothers Karamazov" for modern readers at the level of hidden allusion, and for contemporaries it was done in the form of an open allusion.

Keywords: the poem "The Grand Inquisitor" ("The Brothers Karamazov" by F.M. Dostoevsky), Archimandrite Theodore (A.M. Bukharev), Creative History, Allusion and Reminiscence.

DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-161-172

Citation: Barsht, Konstantin A. (2022) 'Ivan Karamazov's Poem "The Grand Inquisitor": Dostoevsky's Response to the Protest of Archimandrite Theodore (A.M. Bukharev)', *Voprosy Filosofii*, Vol. 9 (2022), pp. 161–172.

На протяжении многих лет идея «Великого инквизитора» вызревала в русле основной темы творчества Ф.М. Достоевского – о столкновении жизненной правды с ограничивающими или убивающими ее социальными условностями. Как говорит Родион Раскольников в «Преступлении и наказании», об этом «тысячу раз было напечатано и прочитано» [Достоевский 1972–1990, VI, 200]. В аллюзивном плане «Инквизитора» обнаруживаются десятки связей с самыми различными источниками [Там же, XV, 463–465, 555–563]. Нельзя упускать из виду, что в журнале братьев Достоевских

«Время» (1861, № 1) была опубликована поэма А.Н. Майкова «Легенда об испанской инквизиции», в которой также на тематическом поле средневековой инквизиции развивается сюжет об античеловеческой природе религиозного фанатизма.

Ключом для понимания смысла этого произведения является вступительное слово Достоевского, с которым он обратился к публике, выступая 30 декабря 1879 г. на литературном утре в Петербурге с чтением «Великого инквизитора». В нем Иван Карамазов назван «страдающим неверием атеистом», заметим, этот тип людей Достоевский ценил особенно высоко, с подозрением относясь к религиозным фанатикам. Самое существенное в этой речи – фраза о священнике, отказавшемся «от древнего апостольского православия» и сосредоточившегося на функциях церковного администратора, впавшего в потребительское отношение к пастве. Лишенные свободы мысли прихожане, говорит далее писатель, обращаются в бессмысленное «стадо», и вместо заповеданной «любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему» [Достоевский 1972–1990, XV, 198]. Здесь писателем прямо назван корневой тезис «Поэмы» Ивана: имеющее антихристианский характер жесткое администрирование в области духовной жизни человека сводит к нулю заповеданную Христом любовь к ближнему, подавляя волю к свободной мысли и нравственному здоровью человека, лишает его возможности реализации жизненного предназначения. Из речи Достоевского ясно, что дело тут не в самой инквизиции как таковой, а в том, что Христос легко сменяется Антихристом в случае, когда у человека отнимают право свободно выбирать свой путь к истине, помещая его в прокрустово ложе догм и налагая ограничения на его мысль и волю.

Работая над романом «Братья Карамазовы», Достоевский записал фразу, недвусмысленно указывающую на истинный смысл «Великого инквизитора» как протест против обращения Церкви в «ведомство православного исповедания» [Там же, XV, 210], в котором священнослужители наделяются функциями чиновников от департамента религии. Такая постановка вопроса порождает взгляд на человечество как на «звериное стадо», в котором «высокий взгляд христианства на человечество» слабеет по мере удаления от вышеупомянутого «апостольского православия» [Там же]. Иван Карамазов, жаждущий обрести понимание смысла бытия, противопоставит со своими сомнениями вовсе не католицизму, но тому «мировоззрению», которое в его поэме поразило «первосвященника» – богоискателя, имеющего опыт отшельничества, но впоследствии взявшего на себя функции управленца от религии. Фактом своего отхода от норм «апостольского православия» Инквизитор недвусмысленно указывает на подмену религии политико-социальной доктриной. Происходящие в обществе в самых различных областях жизни такого рода подмены Христа Антихристом, когда «чудо, тайна и авторитет» заменяют свободную мысль и голос человека, ищущего нравственное и онтологическое самоопределение, были важнейшим основанием в формировании сюжета «Братьев Карамазовых». Работая над романом, Достоевский записывает реплику из разговора, вероятно, состоявшегося в монастыре: «И вот еще что: никто не исполнен такого материализма, как духовное сословие. Мы у тайны, мы делаем тайну. <...> поп в ризе почтен, а без ризы стяжатель и обиратель <...> Никто так не накопит, как сын попа» [Там же, XV, 249]. Вопрос, который задает Зосима собеседнику: «Посмотрите у мирских и во всем превозносящемся над народом Божиим мире, не исказился ли в нем лик Божий и правда Его?» [Там же, XV, 284].

Эти и другие тематически близкие записи Достоевского заставляют задуматься о настоящей подоплеке «Великого инквизитора», со всей очевидностью не сводящегося к критике Ватикана и его догмата 1870 г. Поиски истинных корней основной мысли «поэмы» Ивана приводят к событию, произошедшему в 1860-е гг. и глубоко затронувшему русское общество, как в церковных, так и в светских кругах, и связанному с серией трудов об отношении Церкви и современного общества, автором которых был Александр Матвеевич Бухарев (1822–1871), в монашестве архимандрит Феодор. Его громкий протест против догматизма и формализма в организации церковной жизни, стоивший ему

сана, профессорского звания и приведший в конечном итоге к гибели, вероятно, является наиболее существенным основанием для формирования Достоевским идеологической основы «Поэмы о Великом инквизиторе».

В центре писаний Бухарева, получивших жесткое осуждение Священного Синода, была мысль о повсеместном и общепринятом искажении Христова Завета, массовом отходе общества от «апостольского православия» и требование отказа от фактического следования современными христианами нормам не столько Нового, сколько Ветхого Завета, от укоренившихся в обществе фарисейских и языческих моделей. Описывая в исследовании условия перехода от Ветхого Завета к Новому, Бухарев прозрачно намекает, что в нынешние времена сохранилось слишком много от дохристианских времен, носителями косных нравственных норм являются уже не ветхозаветные евреи, но современные христиане, что этот переход стоило бы осуществить снова, выводя человечество к ценностям истинного нравственного состояния, чтобы в обстановке «свободной духовности и открылся оный в апостольской Церкви» [Бухарев 1861, 134]. Различие между нравственно чистым «апостольским православием» и жизнью современной ему православной Церкви терзало душу Бухарева, он говорил об этом во всех книгах, особенно ярко в двух из них (см.: [Бухарев 1860^a; Бухарев 1865^a]). Впрочем, и другие его труды только подливали масла в огонь, вызывая «потрясение во всех религиозных кругах, в том числе и среди поклонников и учеников» [Егоров 2003, 159], разбив русское общество на партии, формировавшие свои ряды на основании критерия одобрения, отрицания, снисходительного оправдания или горестного сожаления относительно «донкихотского» поведения архимандрита [Алексий 2008, 171–202].

Стоит отметить, что смелая акция архимандрита встретила поддержку целого ряда общественных деятелей и публицистов (см.: [Бухарев 1997]). Оценивая смысл бурной полемики, возникшей вокруг трудов Бухарева, Н.А. Бердяев, многие идеи «Смысла творчества» которого, по всей очевидности, почерпнуты из его трудов, указал: «Он интегрировал человечность целостному христианству. Он требует приобретения Христа всей полнотой человеческой жизни. <...> Он против умаления человеческой природы Христа, против всякой монофизической тенденции» [Бердяев 2008, 127]. В один ряд с самыми выдающимися гениями земли русской – преподобным Серафимом Саровским и А.С. Пушкиным – поставил Бухарева С.Н. Булгаков [Булгаков 1993, 589].

Как указывает П.В. Знаменский, Бухарев, стремившийся объединить бытовую жизнь современного человека с высокими требованиями духовности, оказался «белой вороной» в русской общественной и церковной реальности, где не допускалось «никакого проявления самостоятельной мысли и ни малейшего отступления от принятых издавна внешних схоластических шаблонов в определениях, аргументах, даже терминах», а «церковное учительство» сводилось к «витанию в высших сферах»: реальная жизнь людей существовала отдельно от жизни религиозной, а «спуститься с этих высот поближе к живым людям и к текущей действительности» считалось «чем-то крайне неприличным и даже унижительным» [Бухарев 1997, 342–343].

Являя собой пример безукоризненно (некоторые говорили – «младенчески») честного человека, Бухарев был неприемлем для ожесточенного морально-психологического противостояния, свойственного общественной жизни 1860-х гг. В годы преподавания он обличал с кафедры деятельность «духовных иудеев», живущих по принципам ветхозаветной морали «око за око, зуб за зуб», а также явления откровенного идолопоклонства в деятельности «духовных язычников», полностью погруженных в мир материального потребления, задавивших в себе нравственное чувство. Последовавший после гонений со стороны Синода выход архимандрита Феодора из православной церкви – основная тема «Великого инквизитора», где фиксируется ситуация разрыва церковных властей с христианской моралью. Особенно жесткие слова были высказаны им в адрес «духовных фарисеев», которые скрывают душевную пустоту и моральное безразличие с помощью ревностного исполнения календарных церковных обрядов. Подобно Достоевскому, считавшему, что сознательный атеист стоит на высоком уровне духовного развития, Бухарев, по словам Серебренникова,

был готов найти потаенный христианский смысл «в нравственных исканиях даже своих атеистических противников» (цит. по: [Бухарев 1997, 10]). Оба писателя вкладывали важнейший смысл в стих из Евангелия от Иоанна о «зерне, упавшем в землю» [Достоевский XII, 24], говорили о мертвой «букве», которая в области духовной культуры часто заслоняет собой живой смысл.

Горячая защита Достоевским института «старчества», предпринятая им во всех произведениях 1870-х гг., перекликается с идеей Бухарева о необходимости христианского диалога между людьми взамен административно-формального управления. Уже после смерти Бухарева разыгрался новый скандал: Синод запретил публичную защиту диссертации ректора Киевской академии архимандрита Филарета (Филаретова) «Происхождение книги Иова» (1872), в которой трактовка библейской книги во многом совпадала с известной и вызвавшей горячие споры книгой А.М. Бухарева на ту же тему [Бухарев 1864]. Были и другие печальные события, связанные с подавлением свободной религиозно-философской мысли в стране.

Основанием для конфликта было то, что духовная практика «старцев» предполагала не столько уединенную молитву, сколько активный диалог с мирянами. Неслучайно именно в виде «беседы» представлены взгляды старца Зосимы в романе Достоевского, где, согласно сетованию К.Н. Леонтьева, «как-то мало говорится о богослужении, о монастырских послушаниях; ни одной церковной службы, ни одного молебна... *Отшельник и строгий постник* Ферапонт, мало до людей касающийся, почему-то изображен неблагоприятно и насмешливо» [Леонтьев 2014, 208]. Напротив, заметим мы, старец Зосима, постоянно общающийся с людьми и вовсе не склонный к догматизму, в келье которого Достоевский символично расположил репродукции картин европейских художников и католический крест, изображен без всякой насмешки. Заметим также, что основной упрек в адрес архимандрита Феодора со стороны блюстителей строгих церковных правил заключался в недостаточном с его стороны внимании к обрядовой стороне церковной деятельности или даже в «преднамеренном молчании о Церкви» [Бухарев 1997, 53]. Случайно ли это совпадение?

С суровыми обвинениями, переходящими в доносы, выступил против Бухарева журнал «Домашняя беседа», возглавляемый уже имевшим к тому моменту устойчивую репутацию мракобеса В.И. Аскоченским. Слишком глубоких мыслей в писаниях Аскоченского замечено не было, основная из них, затем многократно процитированная в самых различных публикациях, это обвинение Бухарева в ереси. Звучит оно так: «Человек, ратующий за православие и протягивающий руку современной цивилизации, – трус, ренегат, изменник» [Там же, 434]. Варьируя этот тезис и уснащая его бранью, Аскоченский и его соратники обрушили на Бухарева поток статей, начиная с 1860 г. и остановившись только после смерти философа в 1871 г. А.М. Иванцов-Платонов, отвечая на эти обвинения, выделил главное: претензию Аскоченского на роль глашатая истины в последней инстанции, не терпящей никаких возражений, со стремлением выдать свое мнение за непреложную истину, с желанием клеймить именем «еретика» «за несогласие с своими мнениями», основой которого является «непонимание г. Аскоченским той великой истины, что ни один из православных не может выдавать своей мысли за мысль самого православия». Обвиняя Аскоченского в узурпации права на истину, в канонизации своей религиозной казенщины, Иванцов-Платонов настаивает на изменении общего принципа отношения церковного начальства к верующим: «Мы протестуем против самовольно усвоенного “Домашнею беседою” права – отождествлять собственные мудрования с учением Слова Божия и Православной Церкви и осуждать в неправославии кого бы то ни было за самое отступление от выражений, канонизированных в “Домашней беседе”», которая открыто «провозглашает, будто она одна остается теперь блюстительницею православия и ратует не только на защиту Церкви, но даже на защиту Самого Бога» [Там же, 442–446].

Достоевский внимательно следил за развитием событий, легко догадаться, на чьей стороне были его симпатии. Параллельно с травлей Бухарева со стороны обскурантов и мракобесов «Беседы», усилиями церковной цензуры был наложен запрет

на публикацию его очередного произведения «Мысли и исследования об Апокалипсисе» (указ № 2440 от 1861 г.). Отказавшись в знак протеста от сана архимандрита и звания профессора, Бухарев тем самым освободился от необходимости следовать воле церковного начальства и опубликовал запрещенные идеи в новой книге [Бухарев 1865^б]. Жестокая травля Бухарева отозвалась во множестве высказываний современников, высказался по этому поводу и Н.С. Лесков: «...Аскоченский вонзил ему в грудь свой жертвенный нож и “бегал по стогам с окровавленной мордой”» [Лесков 1956, 87].

Журнал Достоевских «Время» не мог пройти мимо этой истории и вступился за опального философа, выражавшего идеи, близкие основателям журнала Ф.М. и М.М. Достоевским, А.А. Григорьеву и Н.Н. Страхову, ответив на критику В.И. Аскоченского и А.Н. Загоскина полной праведного гнева статьей А.А. Григорьева «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» [Григорьев 1861], вне сомнений, выражавшей точку зрения редакции. Интерес к личности и писаниям Бухарева сохранялся в редакции журнала братьев Достоевских, начиная с конца 1850-х гг., а личный контакт опального священника с братьями Достоевскими состоялся в драматическом 1863 г., когда журнал был закрыт по правительственному решению. Незадолго до этого, согласно «Списку статей (рукописей) журнала “Время” (1963)», который вел М.М. Достоевский, Бухарев предлагал братьям Достоевским работу о Гоголе. В разделе списка под заглавием «Романы, повести и рассказы» значится: «№ 6. Письмо к Гоголю Архимандрита Феодора» [Нечаева 1975, 282].

Неизвестно, встречался ли редактор «Времени» с Бухаревым лично, и в какой форме произошел этот контакт, однако каждый из двух писателей чувствовал в другом родственную душу. Позже Бухарев написал обширную статью о романе «Преступление и наказание» [Бухарев 1884]. В ней Бухарев проницательно указал на то, что романе Достоевский отображает «внутренний процесс духовной жизни своих героев» [Бухарев 1997, 12]. По свидетельству вдовы философа А.С. Бухаревой, «Достоевский сам, еще во время издания “Эпохи”, сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение» [Там же]. Бухарев явно ощущал идейную близость почвеннической идеологии «Времени» своему взгляду на роль религии в современной жизни, отмечая, что журнал придерживается «образа мыслей свежего, жизненного во многом, только еще не зрелого, не довольно точного или не совсем отчетливого» [Бухарев 1865^а, 359]. Смысл жизни человека, его высшее предназначение были основополагающим пунктом идеологии Достоевского и его сотоварищей по «Времени» и «Эпохе». Писатель настаивал на необходимости развития глубокого самосознания человека, способного привести к строительству культуры высокого уровня, в которой будет искоренено социальное зло, исчезнет зависть и насилие над человеком. Достоевский был убежден, что если не остановить процесс быстро прогрессирующего морального разложения в русском обществе, страну ждут кровавые бунты и тяжелые потрясения (см.: [Викторович 2007]). Со своей стороны, описывая кризисное время перехода от Ветхого Завета к Новому, Бухарев анализировал проблемы и условия, при которых появляется возможность заменить тянущую назад «мертвую букву закона» на новое слово и новое дело [Бухарев 1861, 35, 54, 114, 134].

Тема высокой ответственности человека за свою жизнь и жизнь других людей была основой всех писаний Бухарева, которого можно считать одним из важнейших защитников свободы мысли и слова в истории русского общества XIX в. Достоевского и Бухарева объединяла идея братской любви как универсального начала, связующего человеческое сообщество в непротиворечивое единство, в пределах которого может быть искоренено зло, разъедающее души и калечащее судьбы людей. В этом смысле формула старца Зосимы «все за всех виноваты» выглядит как цитата из писаний Бухарева, в центре антропологии которого были братская любовь и доверие к ближнему. По справедливому замечанию Н.В. Серебренникова, понять учение Бухарева о «действенной любви Достоевский мог более, чем кто-либо: не только в беседах старца Зосимы данная, а и всей жизнью Достоевского выношенная правда о Христе яко

нравственном начале, о вере как высшем знании, о принципе совинновности и любви друг к другу (даже к пребывающему во грехе), о необходимости всенародного единения и устройства России – все это в работах Бухарева есть» (цит. по: [Бухарев 1997, 7–8]). Со всей очевидностью проступают идеи Бухарева в «беседах» старца Зосимы, и именно поэтому герой романа Достоевского получил от суровых «инквизиторов» в свой адрес точно такие же обвинения, какие выслушивал опальный архимандрит: «Учение Зосимы как имеющее только видимое сходство с учением Христа, но в сущности совершенно противоположное доктрине Православной веры» [Лебедев 1970, 124]. Подобно Инквизитору, хорошо осознававшему нравственную силу Иисуса Христа, Победоносцев отдавал себе отчет в невероятной мощи личности и мысли Бухарева: «Как поучительный образец он является представительным лицом в рядах нашего юного, современного духовенства, <...> ему представилось, что он может поведать миру новое слово, и слово это состояло в том, что истинное христианство открывается в самом крайнем направлении современной науки. <...> Результатом дум его явилась известная книга “О православии в отношении к современности”, книга, встреченная великими похвалами в петербургских журналах». Особенно примечательна оценка Победоносцевым обстоятельств гибели Бухарева, которую он понимает как смерть жертвенную и точно называет врага философа, в конечном итоге его и погубившего. Победоносцев заявляет, что Бухарев «умер в нищете» с мыслью о том, что проповедовать Христа ему мешали «духовные власти и клерикальная администрация» (цит. по: [Бухарев 1997, 524]). Будучи сам «клерикальным администратором», Победоносцев совпадает в этой функции с Великим Инквизитором, ставящим перед Иисусом такие же препоны, какие Синод возвел на пути архимандрита Феодора, пролагавшего для страны путь к христианской нравственности. Как и Инквизитор из «поэмы» Ивана, Победоносцев настаивает на принципе «твердости» и «неуступчивости» в делах религии, предпочитая диалогу жесткий монолог [Там же, 525].

Такого рода жесткое администрирование в области культуры, науки или религии Бухарев называл «духом папства», с сожалением констатируя, что тенденция замены свободы мысли на поводыря мысли «возглавляет этот мир в земном иерархическом наместничестве Христа», в котором органически сочетаются «протесты против папства» и ситуации, при которых «и мы, православные, уже не чужды приражений (так у автора. – К.Б.) к нам» тенденции отсутствия заботы о «возглавлении самой веры в Самом и одном Господе» [Бухарев 1997, 66]. Разумеется, подобно тому, как в «Великом инквизиторе» Достоевский говорит отнюдь не только о католицизме, Бухарев, употребляя словосочетание «дух папства», имеет в виду не только Ватикан, но и явления, которые реально угрожают Русской православной церкви: «...нет места в Св. Церкви <...> духу папистического, подавляющего преобладания над верою» [Там же, 55]. Наблюдая следы этого «папизма» в русской реальности, он пишет об этом с ужасом, как бы опасаясь собственных слов: «Посмотрите на Запад, где уже совершилась эта злополучная возможность в области самой Церкви и церковного водительства. Но нет, да не будет этого с нами!» – и надеясь, что диктат правил и предписаний не погасит дух свободного поиска истины, а «Двигатель сердец» будет оберегать «духовную самостоятельность пасомых» [Там же, 58].

Отрицание Великим инквизитором «самостоятельности» движения человека к пониманию смысла его существования, неверие в свободную волю людей, неспособных, по его мнению, подняться духовно для принятия в душу видения мира, каким обладал Иисус, опровергается с использованием одних и тех же аргументов и в трудах Бухарева, и в «Братьях Карамазовых» Достоевского. На упрек Инквизитора Христу: «Много ли таких, как Ты? И неужели Ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение?» [Достоевский XIV, 233] в книге Бухарева есть ответ, который, как кажется, помнился Достоевскому, когда он создавал «поэму» Ивана: любой человек способен к принятию нравственного идеала на том или ином уровне своего душевного потенциала: «В этом человек <...>, идет от полноты благодати Богочеловека; все худшее, что ни представилось бы вам в человеке, отяготело

на Богочеловеке. Нет человека, да и не возможен человек вне силы и действия этой Христовой тайны, раскрывающей в себе всю беспредельную любовь к человеку Отца Небесного; от нас самих зависит, принимать или не принимать участие в такой любви Божией во Христе, хоть бы и в обществе или в театре или за светской книгой» [Бухарев 1865^а, 113]. Эта проблема, как известно, ставшая основой сюжетов всех произведений Достоевского 1860–1870-х гг., сформулирована Бухаревым следующим образом: человек, отказывающийся от трудного пути самосознания и онтолого-нравственной самоидентификации, «присуждается или к слепому, страдательному доверию и покорности меньшинству духовных вождей, или в противном случае к безблагодатному уже труду грешной мирской мысли» [Там же, 242].

Продолжая эту мысль Бухарева, журнал братьев Достоевских в статье А.А. Григорьева указывал: «Немногие дошли до высоты воззрения, потребной для простой и великой в простоте мысли о. Феодора, что для Христа человеческий разум вовсе не так ничтожен, как для нескольких поборников застоя и насильственного единства, для нескольких духовных централизаторов, которым всякие пути, уклоняющиеся от буквы, представляются усилиями потерянными, трудами напрасными, а может быть и погибельными. Централизаторы, приверженцы буквы – странная ирония! – становятся свой разум, то есть личное, скованное понимание буквы, мерилем путей великой и таинственно неуследимой силы и, не зная ни ее последующих проявлений, ни ее конечных целей, произносят с высоты присвоенного себе авторитета приговор всяким путям, кроме тех, которые условлены их буквою... Вред, происходящий от такого произвольного, хотя вместе и рабски буквального указания путей, ужасен и в области мышления, и в области искусства, и в области жизни» [Григорьев 1861, 14]. По мнению Григорьева, выражавшего мнение редакции, именно Бухареву из всех современных мыслителей удалось сформулировать идею о недопустимости стеснения свободы мысли в любом направлении, включая личные религиозные поиски человека. Григорьев делает вывод, что «между обскурантизмом и религиею света, между застоем и учением любви – нет ничего общего». Чтобы сделать такой вывод, пишет далее Григорьев, нужно не так много: книга инока Парфения («Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле»), труды И.В. Киреевского и А.В. Хомякова и «полное любви и жизни слово архимандрита Феодора» [Там же, 4]. Можно себе представить, что чувствовал автор этих слов, узнав о заточении Бухарева в апреле 1861 г. в Никитский монастырь: проклиная «инквизиторов» из Синода, в состоянии глубокого отчаяния Григорьев отправился в добровольную ссылку в Оренбург...

У многих современников история титанической борьбы архимандрита Феодора с церковной администрацией породила ассоциации со средневековой инквизицией, расправлявшейся с инакомыслящими. Одним из первых это зафиксировал А.И. Герцен. В разделе «Смесь» «Колокола» от 15 мая 1861 г. среди прочих грустных новостей из России им был отмечен факт ссылки архимандрита «по благочестивому извету богомокрицы Аскоченского» [Герцен 1954–1966, XV, 98]. Вскоре Бухарев из неизвестного ему священника обратился в глазах Герцена в значительную и вызывающую глубокое сочувствие фигуру. В статье «Инквизитор В. Аскоченский и его жертва» он пишет: «2-го марта 1861 г. отправился из Петербурга, в заточение навсегда, в Никитинский монастырь (в Переяславле-Залесском Владимирской губернии) автор недавно отпечатанных книг: а) Об отношении православия к современности и б) 3-х писем к Гоголю, писанных им в 1848 г. Книги эти, в которых почти впервые в России выступила богословская мысль на попрание светской литературы, были причиной того, что Св. Синод счел нужным сослать автора их, архимандрита Феодора <...> в заточение...». Здесь же Герцен упоминает и главную персону, повинную в этом печальном событии: «Г-н Аскоченский, получающий от митрополита Исидора несколько тысяч на поддержание своего пошлого журнала, был одною из главных причин политической смерти арх. Феодора, растолковав преосв. Исидору, что автор – архимандрит, явившийся в светской литературе с сочинениями, – есть лицо неправославное, унижающее сан похвалами и сочувствием к светской литературе и т.п... Вот какие вещи производит *записавшийся*

в святые Аскоченский... Итак, человек с сильною душою, бывший едва ли не единою опорю для студентов Казанской духовной академии, желавших развиваться, осужден жить до гроба среди необразованных монахов, под началом какого-нибудь настоятеля сомнительного образования и добродетелей!!» [Герцен 1954–1966, XV, 117].

Продолжая в «Колоколе» следить за разворачивающейся на его глазах очередной характерно русской историей о подавлении свободной творческой мысли, через два года в статье «Духовное тиранство» Герцен отмечает мужественное сопротивление Бухарева напору «инквизиции»: «Архимандрит Феодор, жертва происков Аскоченского, до сих пор содержится в переяславском Никитском монастыре. Он два раза подавал в Синод прошение об увольнении его из духовного звания в крестьяне. Синод отказывает, но предлагает отказаться от ученой части, на это он не соглашается» [Там же, XVII, 323]. Предвидя такого рода развязку, по свидетельству А.А. Лебедева, Бухарев еще при первых неприятностях с его «Письмами к Гоголю» говорил: «Если мне запрещают проводить свет Христов в современный мир потому только, что я монах, то вот вам, возьмите от меня этот символ послушания. Я буду ходить с протянутой рукой, просить Христа ради, а истине не изменю» [Бухарев 1997, 326]. В статье «Инквизиция Строганова», посвященной военному губернатору Петербурга графу А.Г. Строганову (1795–1891), Герцен вновь обращается к этой теме, называя героя своего очерка «Великим инквизитором» и прибегая к словосочетанию, которое использовал затем Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Великий инквизитор, в рвении против науки и образования, придумал... поднять цену за слушание лекций до 200 рублей» [Герцен 1954–1966, XV, 105]. Расстрижение архимандрита длилось мучительных два года и два месяца, за этим процессом следила вся русская светская и церковная общественность: одни с горечью (например, редакция «Времени» братьев Достоевских, редакция «Странника» и «Сына Отечества»), другие со злорадством (В.И. Аскоченский и его сподвижники по «Домашней беседе»), третьи с досадой (митрополит Филарет, священник Лебедев и другие, сочувственно относившиеся к Бухареву иерархи Церкви). Эта громкая история окончилась поражением обеих сторон: нецензурными проклятиями А.А. Григорьева в адрес Синода, выражавшими отношение к этой истории консервативных кругов светской и церковной власти, с соответствующими потерями репутации, также гибелью надежд на какие-либо сдвиги к лучшему в области укрепления в стране морального климата.

Достоевский полагал, что если программа «почвенничества», фактически вбиравшая в себя основной корпус идей Бухарева, не будет принята, страну ждут тяжелые потрясения. Неслучайно после смерти Бухарева в 1871 г., в период, когда Достоевский работал над романом «Бесы», вся его публицистика и художественные произведения оказались тематически и идеологически связаны с вопросом о «новом человеке» и осуществлении идеи братства как основе культуры. В центре религиозно-политического проекта Достоевского была идея о личном, не зависящем от «начальства» свободном духовном самоопределении человека как непреложном основании строительства им личной жизни и жизни общества.

На тяжелую и актуальную для русской жизни проблему столкновения свободно мыслящего человека с ограничениями, налагаемыми разного рода должностными лицами, указал в книге «Простая речь о мудреных вещах» М.П. Погодин: религия «может быть употребляема во зло, если попадет в руки «жрецов», действия которых «возмущают всякого благочестивого, скромного искателя истины». Бухарев доказывает, что истина достижима только в диалоге двух доверяющих друг другу сознаний. Тем самым он подвергает сомнению феномен «еретика»: «Чуждый духа монополии в деле истины держится в глубине души в отношении к другому такой мысли: “будем сообща, заедино узнавать саму истину, верно следовать ей – вот что дорого и нужно равно и для тебя, и для меня; если ты слушаешься самой истины»; «Монополии в деле истины противится Сам Дух Божий, Дух той любви, по которой Сама истина – Сын Божий стал сыном человеческим ради всех человеков» [Бухарев 1865^a, 349–350]. Углубляясь в мировую историю, Бухарев намекает на испанскую инквизицию в роли

«претендующего на монополию в деле истины» некоего специального «отдела» по «духовному руководству» [Бухарев 1865^а]. Однако, рассуждает Бухарев, каким бы странным на первый взгляд путем ни шел человек к познанию себя и мира, нет оснований отвергать его как еретика, «чуждого церкви Божией», «нет основания для нас отвергать кого бы ни было как явного невера или еретика» [Бухарев 1860^а, 66]. Подобно Бухареву, Достоевский постоянно получал обвинения в «неправильном христианстве». Отбиваясь от этих наскоков, Достоевский записал: «Мерзавцы дразнили меня необразованною и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в “Инквизиторе” и в предшествовавшей главе, которому ответом служит весь роман. <...> через большое *горнило сомнений* моя *осанна* прошла» [Достоевский XXVII, 86]. Эта мысль пронизывает и работу «Моя апология» Бухарева, где он доказывает правильность своих выводов как итог тяжелых сомнений и колебаний.

Образ мышления Бухарева полностью совпадает с тем, что мы видим в романе «Братья Карамазовы». Будто формируя идеологический комплекс, управляющий речами Инквизитора, Бухарев пишет: «Претензии на монополию в деле истины – вот что главным образом и разъединяет, и неизбежно должно разъединять самых даже искренних деятелей по делу истины. Монополист в деле истины в отношении к другому человеку таит в глубине души такую мысль: “На моей стороне истина, и потому, если тебе дорога и любезна истина, слушайся меня и иди туда, делай и мысли так, как и куда я тебе укажу; а иначе ты человек дрянной, враг истины”» [Бухарев 1865^а, 349]. Особенно показателен пример Римской церкви, пишет Бухарев, которая обречена «на многовековую скорбь и многообразные беды для христианства. Это великий для нас урок против духовного притязания на монополию в истине» [Там же, 350]. Словно бы отвечая на тезис Инквизитора о неизбежности авторитета лиц, управляющих церковью, Бухарев утверждает тотальное равенство людей в их отношении к Богу, доказывая, что единственным и несомненным авторитетом для всех является Иисус Христос: «Он есть глава единственный и вседействующий благодатию Св. Духа в Своей Церкви», и никто иной заместить его в этой функции не может [Бухарев 1997, 53].

Инквизитор упрекает Христа, что его паства состоит из одних «избранных», в то время как несчастные грешники оказываются брошенными на произвол судьбы. Бухарев опровергает эту мысль Инквизитора, обосновывая это тем, что Христос пришел «в грешный наш мир для послушания спасению погибающих» [Там же, 51]. Эта же мысль влагается и в уста старца Зосимы, который доказывает, что «любви достойны все, и святые, и грешники. <...> Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле» [Достоевский XIV, 289].

Размышляя о том, как в прошлом «иудействующие лжеучители» пытались «согнуть верующих язычников» под формат своего вероучения, Бухарев делает вывод о том, что только начало свободного поиска истины способно привести человека и все общество к благополучию духовному и материальному, дух истины естественным образом выведет мысль на верный путь, «избирая такую для своего раскрытия форму, которая соответствовала бы этой среде и развилась бы в ней свободно» [Бухарев 1997, 96], тем более, что, по его мнению, «в настоящее время в недрах христианства, даже православного, усилились два погубительные направления: одно – духовно-языческое, когда началом мысли или деятельности у христиан бывает не Христова истина и благодать, а идолы семуудрия, страстей, расчета житейского, а другое – духовно-иудейское, когда и для сердца самых христиан, как и когда для иудеев, завет спасения становится только буквою или формою, или же когда христианин, подобно иудеям, усиливается поставить свою правду вместо принятия правды Божией» [Бухарев 1860^б, 8].

В этой и других книгах философ отстаивал право любого человека на свободное, не стесняемое догмами и административными ограничениями постижение истины: «Настоятельное мое <...> требование неприкосновенности и в мирянах православных духовно-благодатной свободы или духовной во Христе самостоятельности, – показалось

критику чем-то противоцерковным. Каково же это духовное направление, коснящее, под прикрытием мысли о Церкви, подниматься мыслию и жизнью во всем, особенно прямоцерковном, к Самому Господу и даже считающее самое требование этого и стремление к этому мистическим идеализмом?! Каково направление <...> на отнятие или ослабление духовной их самостоятельности?!» [Бухарев 1997, 54]. Во всех случаях, требовал Бухарев, «непременно должно сохранять и выдерживать благодатно-свободную самостоятельность сынов и дочерей Божиих» [Там же, 58]. Разумеется, нарушение этого принципа обращает слугу Бога в Антихриста или Иуду, считает Бухарев: «Творить грех и в этом отношении быть от дьявола может случиться кому бы то ни было, не исключая никого и из пастырей и учителей церковных, не исключая даже апостолов (вспомните Искарота Иуду)» [Там же]. Этот процесс обращения ревнивого пастыря в слугу Дьявола и описан в «Великом инквизиторе» Ивана Карамазова.

Источники – Primary Sources in Russian

Бердяев 2008 – *Бердяев Н.А.* Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008 (Berdyayev, Nikolay A., *Russian Idea*, in Russian).

Булгаков 1993 – *Булгаков С.Н.* На пиру богов. Про и contra. Современные диалоги // *Булгаков С.Н. Сочинения.* В 2 т. Т. 2. С. 564–626. М.: Наука, 1993 (Bulgakov, Sergey N., *At the Feast of the Gods. Pro and Contra. Modern Dialogues*, in Russian).

Бухарев 1860^a – *Бухарев А.М.* О православии в отношении к современности. СПб.: Странник, 1860 (Bukharev, Alexandr M., *On Orthodoxy in Relation to Modernity*, in Russian).

Бухарев 1860^b – *Бухарев А.М.* Несколько статей о святом апостоле Павле. СПб.: Б. изд., 1860 (Bukharev, Alexandr M., *Several Articles about the Holy Apostle Paul*, in Russian).

Бухарев 1861 – *Бухарев А.М.* О Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа. СПб.: Б. изд., 1861 (Bukharev, Alexandr M., *The New Testament of Our Lord Jesus Christ*, in Russian).

Бухарев 1864 – *Бухарев А.М.* Св. Иов многострадальный: Обзорение его времени и искушения, по его книге. М.: Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1864 (Bukharev, Alexandr M., *St. Job the Long-suffering: An Overview of His Time and Temptations, According to His Book*, in Russian).

Бухарев 1865^a – *Бухарев А.М.* О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М.: Издание книгопродавца Манухина, 1865 (Bukharev, Alexandr M., *On the Modern Spiritual Needs of Thought and Life, Especially Russian*, in Russian).

Бухарев 1865^b – *Бухарев А.М.* Печаль и радость по слову Божию. М.: Издание книгопродавца А.И. Манухина, 1865 (Bukharev, Alexandr M., *Sadness and Joy according to the Word of God*, in Russian).

Бухарев 1884 – *Бухарев А.М.* О романе Достоевского «Преступление и наказание» по отношению к делу мысли и науки в России. М.: Унив. тип. <М. Каткова>, 1884 (Bukharev, Alexandr M., *About Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" in relation to the cause of thought and science in Russia*, in Russian).

Бухарев 1997 – А.М. Бухарев: pro et contra. Антология / Сост. Егоров Б.Ф. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997 (Egorov, Boris F., ed., *A.M. Bukharev: Pro et Contra. Anthology*, in Russian).

Герцен 1954–1966 – *Герцен А.И.* Собрание сочинений. В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1966 (Herzen, Alexandr I., *Collected Works*, in Russian).

Григорьев 1861 – *Григорьев А.А.* Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия // *Время.* 1861. № 5. Май. С. 1–35 (вторая пагинация) (Grigoriev, Apollon A., *Opposition to Stagnation. Features from the History of Obscurantism*, in Russian).

Достоевский 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 (Dostoevsky, Fyodor M., *Complete Works*, in Russian).

Лебедев 1970 – *Лебедев В.К.* Отрывок из романа «Братья Карамазовы» перед судом цензуры // *Русская литература.* 1970. № 2. С. 123–125 (Lebedev, Vassily K., *A Fragment from the Novel "The Brothers Karamazov" before the Court of Censorship*, in Russian).

Леонтьев 2014 – *Леонтьев К.Н.* О всемирной любви // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 9. Статьи и рецензии. 1860–1890 годов. СПб.: Владимир Даль, 2014 (Leontyev, Konstantin N., *About Universal Love*, in Russian).

Лесков 1956 – *Лесков Н.С.* Загон // *Лесков Н.С.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956 (Leskov, Nikolay S., *Paddock*, in Russian).

Нечаева 1975 – *Нечаева В.С.* Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М.: Наука, 1975 (Nechaeva, Vera S., *"Epoch", the Journal of M.M. and F.M. Dostoevskys*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Алексий 2008 – *Алексий, протоиерей (Балакай)*. Архимандрит Феодор (Бухарев) и его богословие // Христианское чтение. 2008. № 29. С. 171–202.

Блинова 2014 – *Блинова Е.О.* Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» и синодальная цензура // Филология. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 107–111.

Викторович 2007 – *Викторович В.А.* «Выяснение» славянофильства: От Хомякова к Достоевскому // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист / Сост. Б.Н. Тарасова. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 137–152.

Егоров 2003 – *Егоров Б.Ф.* От Хомякова до Лотмана. История русской литературы и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2003.

References

Alexiy, archpriest (Balakay) (2008) “Archimandrite Theodore (Bukharev) and His Theology”, *Khris-tianskoye Chtenie*, Vol. 29, pp. 171–202 (in Russian).

Blinova, Evdokiya O. (2014) ‘The Novel “The Brothers Karamazov” by F.M. Dostoevsky and Synodal Censorship’, *Filology, Bulletin of the Lobachevsky Nizhny Novgorod University*, Vol. 2 (2), pp. 107–111 (in Russian).

Egorov, Boris F. (2003) *From Khomyakov to Lotman. History of Russian Literature and Culture*, Yazyki Slavyanskoy Kultury, Moscow (in Russian).

Viktorovich, Vladimir A. (2007) “Clarification” of Slavophilism: From Khomyakov to Dostoevsky’, Tarasov, Boris N., ed., *A.S. Khomyakov as a Thinker, Poet, Publicist*, Yazyki Slavyanskoy Kultury, Moscow, pp. 137–152 (in Russian).

Сведения об авторе

БАРИШТ Константин Абрекович –
доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы РАН.

Author’s Information

BARSHT Konstantin A. –
DSc in Philology, Professor, Leading researcher
at the Institute of Russian Literature
(The Pushkin House), Russian Academy of Sciences.